Александр Омелаев

Лётчик от бога

Александр Омелаев
Лётчик от бога

https://litres.ru/74692409
SelfPub; 2026

Аннотация

Это драма о границах человеческих возможностей, о природе пространства, материи, времени и любви. Павел, пройдя суровую школу авиазавода и жёсткий отбор в лётном училище, стал лётчиком. Его жизнь раскалывается, когда на высоте отказывает кислородная система. Павел попадает в другой Мир. Для Земли, вместо 45 минут, он исчезает на год, что повергает его коллег и КГБ в шок. Спустя годы, совершив еще один шаг за грань, ради спасения своей погибшей возлюбленной, он возвращается назад. Теперь душа Аси живёт внутри его сознания, и они делят одно тело и одну любовь на двоих. Павел уже командир Ту-154. Попав в грозу они с Асей спасают всех пассажиров. Только слияние двух любящих разумов способно сотворить невозможное, посадить без двигателей самолёт, совершив подвиг перед возвращением домой, в вечность. Спустя сорок лет, в Геленджике, на месте снесённого дома Павла, учёный - автор находит портфель с дневником пилота, содержащим формулы Вселенной — мост в будущее для всего человечества

Александр Омелаев
Лётчик от бога

Александр Омелаев

Эпиграф: «Действительность – это иллюзия, хотя и очень устойчивая»

«Тайны природы для нас – это источник наиболее прекрасных переживаний»

Альберт Эйнштейн

1. Предисловие автора

«Реальность — это иллюзия, хотя и очень устойчивая». Когда Альберт Эйнштейн произнёс эти слова, он не пытался увести науку в область мистики. Он констатировал фундаментальный факт устройства нашей Вселенной, который мы, привыкшие твёрдо стоять на ногах, упорно отказываемся замечать.

Эта книга — не просто история о советской авиации, секретных испытаниях и трагической судьбе человека, потерявшего земную любовь. Это попытка заглянуть за ширму того, что мы называем «реальным миром». Наряду с осязаемым, пахнущим керосином и металлом Советским Союзом, на страницах романа живёт и дышит другой мир — немате-

риальный Параллельный Мир чистой энергии. И прежде чем вы вместе с главным героем Павлом Гордеевым подниметесь в стратосферу, нам нужно познакомиться с элементарными понятиями физики нашей жизни, с реальностью которую мы ощущаем и в которой мы живём.

Мир энергии, с которым сталкивается Пашка, — это не сказка и не плод воспалённого одиночеством разума. Это то, к чему сегодня вплотную подошла передовая квантовая физика.

Четыре стороны одной медали. Давайте представим нашу Вселенную как единый, живой организм, который держится на четырёх «китах»: **Пространстве, Времени, Массе и Энергии**.

В повседневной жизни мы привыкли разделять их:

Пространство — это комната, поле или небо, где мы находимся.

Время — это стрелки часов, неумолимо бегущие вперёд.

Масса — это тяжёлый фюзеляж самолета МиГ-25, который можно потрогать.

Энергия — это скрытая сила, которая сгорает в двигателе и толкает этот самолёт вперёд.

Нам кажется, что это совершенно разные, изолированные друг от друга вещи. Но это и есть главная иллюзия. На самом деле Пространство, Время, Масса и Энергия — это четыре стороны одной и той же медали. Они не просто связаны, они неразрывны. Это единая ткань бытия, которая может менять

форму в зависимости от того, как, где и на каких скоростях мы с ней взаимодействуем.

Великий космический конструктор. Самый простой пример, знакомый нам из школы, — это превращение Массы в Энергию. Знаменитая формула Эйнштейна: E=mc^2 буквально говорит: любой материальный предмет — это просто «законсервированная», невероятно сгущённая энергия. Настолько сгущённая, что она становится твёрдой. Твёрдый металл самолета — это застывший свет. Если этот металл полностью расщепить, он превратится в колоссальную вспышку чистой энергии или в нашем понятии просто вспышку света.

Но физика идёт дальше. Оказывается, Пространство и Время тоже не являются вечной и неизменной сценой. Стоит объекту разогнаться до экстремальных скоростей (близких к скорости света) или подняться на предельную высоту, где гравитация ослабевает, как ткань Вселенной начинает «плыть».

Время может замедляться или останавливаться. Для пилота в кабине сверхскоростного перехватчика пройдут секунды, а на Земле пролетит год или пять лет. Время — это не прямая линия, а гибкая волна.

Пространство может сжиматься. Расстояния, казавшиеся бесконечными, превращаются в точку.

Энергия может рождать массу и управлять временем. Они перетекают друг в друга, словно агрегатные состояния воды. Лёд, жидкая вода и невидимый пар — суть од-

ного и того же вещества. Так же и в нашей Вселенной: плотный материальный мир (лёд) при определенных условиях (в стратосфере, на границе миров, в моменты пикового напряжения духа) способен мгновенно «испаряться», переходя в состояние чистой, мыслящей Энергии.

Мыслящий Океан энергии. Мир энергии в нашей книге — это не пустота. Это колоссальный, разумный и любящий субъект. Это информационное поле Вселенной, где времени в нашем понимании не существует: там прошлое, настоящее и будущее сотканы в один вечный миг.

Когда Павел Гордеев на своем МиГ-25 пробивает потолок земной стратосферы и исчезает для радаров КГБ, он не улетает на другую планету. Он просто выпадает из «материальной иллюзии» и оказывается там, где Пространство и Время свернулись, уступив место чистой Энергии. Для Земли его нет годы. Для него самого — это сорок пять минут абсолютного знания, разговор с «Богом» и встреча со своей возлюбленной.

Иллюзия в кармане. Смартфон и Солнце. Чтобы понять, как **Масса** превращается в **Энергию**, не обязательно строить ядерный реактор или лететь в стратосферу. Достаточно посмотреть на два объекта: солнце над головой и гаджет в вашем кармане.

Солнечный свет: Каждый раз, когда вы греетесь под лучами солнца, вы осязаете уничтожение материи. Солнце каждую секунду буквально «Худеет» на миллионы тонн, из-

лучая свет и энергию. Его физическая масса безвозвратно тает, превращаясь в чистую энергию света и тепла, которая летит к Земле.

Энергия, ставшая массой. Когда вы заряжаете аккумулятор своего телефона, вы накачиваете его энергией. Согласно законам физики, заряженный телефон становится... тяжелее! Эта прибавка ничтожна, её не уловить кухонными весами, но она реальна. Энергия из розетки превратилась в осязаемую массу внутри батареи.

Иллюзия на дороге: Автомобильный навигатор. Самый близкий пример неразрывности **Пространства и Времени** работает прямо сейчас в любой машине. Это система GPS или ГЛОНАСС.

Спутники на орбите мчатся с огромной скоростью, и гравитация Земли там слабее. Из-за этого время для спутников течёт быстрее, чем для нас на Земле — разница составляет крошечные микросекунды в день. Если бы физики не учитывали эту «разницу во времени» по теории относительности Эйнштейна, ваш автомобильный навигатор уже через день начал бы безбожно врать, ошибаясь в координатах на километры. Чтобы показать вам правильную точку в *Пространстве* (где повернуть на перекрестке), компьютер вынужден постоянно корректировать «поплывшее» *Время*.

Иллюзия чувств. Внутреннее время человека. А теперь перейдём от приборов к человеческой душе, ведь именно она — главный радар в нашей книге. Вспомните, как ра-

ботает ваше **субъективное время**:

Когда вы счастливы, обнимаете любимого человека или занимаетесь захватывающим делом — часы пролетают как одна секунда. Пространство сужается до размеров комнаты, а время исчезает.

Когда вы испытываете боль, страх или ждёте кого-то в приемном покое больницы — одна минута растягивается в мучительную вечность.

Наш мозг в моменты пиковых эмоциональных нагрузок с лёгкостью сминает и растягивает время. Это не просто «кажется» — в эти мгновения меняется сама частота нашей внутренней энергии.

Для нашего Героя Павла Гордеева эта базовая человеческая способность усилилась в миллионы раз. Когда его земная любовь Ася погибла, его внутренний мир потерял массу. Он стал легче, тоньше и восприимчивее. И когда его МиГ-25 на бешеной скорости пронзил стратосферу, физическая иллюзия Земли окончательно лопнула, впустив его туда, где Время и Пространство больше не имеют власти.

Физика доказала: наблюдатель влияет на эксперимент. Наш разум и наши чувства — это тоже энергия. И когда земная душа Павла оказывается выжжена горем, его внутренний «энергетический контур» меняется. Он настраивается на частоту Неба. Он становится способен воспринимать ту истинную реальность, которую мы, оставшиеся на Земле, ошибочно считаем пустотой.

Эта книга — хроника полётов на границе двух миров. Мира людей, строящих самолёты, и Мира Высшего Разума, который эти самолеты бережно держит в своих ладонях. Добро пожаловать на борт. Физика иллюзии начинается прямо сейчас.

2. Детство

Алтайская деревня Малиновка летом утопала в зелени, а зимой превращалась в бескрайнее белое море, где сугробы доходили до самых крыш. Для Пашки — это пространство никогда не было тесным. Пока другие мальчишки пропадали на речке или таскали яблоки из соседских огородов, Пашка смотрел вверх.

На сеновале у него был свой командный пункт. Южный фронтон сарая, оставшийся не зашитым после того, как у отца в кузне закончились гвозди, стал для мальчика окном в другую реальность. В мае, когда ночи ещё дышали ледяной горной прохладой, Пашка зарывался в прошлогоднее разнотравье, дышал сухой полынью и клевером и ждал, пока зажгутся звёзды. В деревне, где по вечерам в окнах тускло теплились только керосиновые лампы, небо казалось невероятно ярким, почти осязаемым. Звёзды не просто светили — они вели с ним диалог, подмигивали и звали за собой.

Его первыми проводниками стали книги. Потрёпанные тома Фенимора Купера, Джека Лондона и Жюля Верна Паш-

ка читал вечерами при свете керосиновой лампы или фонарика под одеялом. Но если герои Купера покоряли прерии, Пашка «летал» над ними. Представляя себя пилотом невиданного воздушного корабля, он засыпал с улыбкой на губах. Ему снились сны, в которых он не бежал по земле, а отталкивался от завалинки и плавно взмывал выше тополей, чувствуя лицом упругий, плотный воздух.

От мечты к чертежам. Авиамодельный кружок. К двенадцати годам Пашка понял: просто смотреть на небо мало. Нужно научиться его приручать. В районном доме пионеров, куда он трижды в неделю ходил пешком за десять километров, пахло авиационным клеем, эмалитом и пилёной фанерой. Этот запах быстро вытеснил для него все остальные.

Руки у Пашки, как говорил руководитель кружка, «росли откуда надо». Там, где другие торопились и ломали хрупкие рейки из сосны и нервюры из бальзы, Пашка проявлял ангельское терпение. Он мог часами шкурить крыло и фюзеляж будущей модели, добиваясь идеального профиля и поверхности.

— Наш Пашка не просто строит, он с ними шепчется, — шутили в кружке.

И это была правда. Запуская очередную модель в алтайском поле, Пашка словно сам находился в крошечной кабине. Он чувствовал потоки ветра, предугадывал термики —

восходящие потоки тёплого воздуха. Именно это чутьё привело его к званию чемпиона края по авиамоделизму. Когда его планер продержался в воздухе дольше всех, улетев за горизонт и растворившись в синеве, Пашка не расстроился. Он знал: планер улетел туда, где скоро будет он сам.

Юность и предчувствие чего-то большего. Года шли, Пашка мужал. Алтайская природа с её суровыми зимами и жарким коротким летом закалила его характер. Работа в поле, помощь отцу в кузнице — всё это дало ему крепкое здоровье, необходимое для будущего истребителя. Но внутри он оставался тем же мальчишкой с сеновала.

Перед самым выпуском из школы, когда документы в лётное училище уже были собраны, Пашка проводил свою последнюю ночь на старом сеновале. Небо в ту ночь было странным. Звёзды не просто подмигивали — они словно выстроились в ровную, сияющую световую дорожку, напоминающую взлётно-посадочную полосу прямо в космос. Пашка смотрел на этот бездонный простор и вдруг ощутил странное, покалывающее чувство в груди. Это не было просто предвкушением учёбы. Это было чёткое, почти осязаемое знание: там, на высоте нескольких тысяч метров, его ждёт не просто работа. Его ждёт КТО-ТО. Кто-то, кто управлял этим огромным звёздным миром и, кто давно выбрал Пашку для особого полёта.

На сеновале было душно, сквозь щели в крыше бревен-

чатого сарая пробивались острые, как шпаги, лучи июльского солнца. В этих лучах лениво кружились золотые пылинки. Пашка спал здесь с начала мая, когда ночи на Алтае становились относительно тёплыми. Южный фронтон сеновала не был зашит досками, и днём он мог часами лежать на сухом разнотравье, разглядывая причудливые облака, а ночью — любоваться звёздной россыпью. Ему казалось, что звёзды подмигивают именно ему, приглашая в свои загадочные, заоблачные миры. Здесь, наедине с книгами никто не мешал его мечтам о больших полётах.

Павел рос в глухой деревушке Малиновке на берегу бурной горной реки Чарыш. В начале пятидесятых годов здесь не было ни дорог, ни связи, а единственным транспортом оставался гужевой. Но небо над Малиновкой было бескрайним. Когда Пашке исполнилось двенадцать лет, в деревню по какой-то счастливой случайности привезли посылку — набор для сборки резиномоторной авиамодели. Мальчик не спал и не ел, пока не собрал её. И когда этот маленький кусочек бальзы и пергамента взлетел на глазах у всей деревни, Пашкиному счастью не было предела. С этого мига его судьба была решена.

Малиновское небо. Запах разогретой солнцем сосновой стружки, эмалита и сухой алтайской полыни — так для Пашки Гордеева пахло настоящее творчество.

Пашка, прикусив язык от усердия, вытачивал надфилем крошечный лонжерон из бальзы. Рядом, раскинув руки, но

сене лежал его друг Колька и в десятый раз перечитывал затрёпанную до дыр «Таинственный остров» Жюля Верна.

— Паш, а Паш... — Колька перевернулся на живот. — Вот вырастем, уедем в Качу. Станем лётчиками. Будем на реактивных летать, выше облаков. Там, говорят, земля круглая видна.

— Выше облаков — это мало, — не отрываясь от работы, тихо ответил Пашка. Его голос, уже ломающийся, басовитый, звучал непривычно серьёзно для шестнадцатилетнего парня. — Небо, Коль, оно ведь не просто воздух. Оно... как будто смотрит на тебя. Когда я модель запускаю, я пальцами чувствую, куда ветер дует еще до того, как трава зашевелится. Машина — она живая. Если ты её любишь, она тебе душу отдаст. И Небо отдаст.

Колька вздохнул. Для него Пашка был непререкаемым авторитетом. Весь район знал: если у кого-то заглох трактор в поле или «Иж» барахлит — зови Пашку Гордеева. Тот по звуку выхлопа, по еле заметной вибрации двигателя определял болезнь железа. Неудивительно, что месяц назад на краевых соревнованиях по авиамоделизму Пашкин планер улетел так далеко и красиво, что судьи из Барнаула только рты раскрыли. Чемпион края.

Пашка никогда не стремился к власти. Он не умел кричать, командуя сверстниками, не любил хвастаться и всегда держался чуть в стороне, скромно и спокойно. Но в Малиновке его авторитет среди пацанов был абсолютным и без-

условным.

Лидерство Павла родилось не из силы кулаков, а из его надёжности и феноменального ума. Пашка был прирождённым технарём. Он обладал редким даром — чувствовал душу железа. Если у кого-то из деревенских мужиков барахлил трактор в поле или не заводился старый пускач, Пашка подходил, наклонял голову, слушал неровный стук поршней и безошибочно говорил: *«Дядь Миш, зажигание позднее, и в карбюраторе соринка»*. Мужики только диву давались и уважительно хлопали подростка по плечу.

Ровесники тянулись к нему сами. Пашка никогда никого не судил, но его слово в любом пацанском споре было окончательным. Если Гордеев говорил: *«Так делать нечестно»*, — спор прекращался. Ребята интуитивно чувствовали его внутренний стержень — ту редкую породу мужской чести, которая закладывается с детства. Он организовывал мальчишек, строил с ними плоты, водил в тайгу, мастерил планеры, но всегда оставался рядовым участником общих дел, тяготясь любым официозом.

Именно это неофициальное, стихийное лидерство Павла и привело к первому серьёзному столкновению с советской государственной машиной.

В центре Малиновки стояла старая, наполовину заброшенная деревянная часовня. Потемневшая от алтайских дождей и ветров, она давно была лишена крестов и использовалась колхозом под склад инвентаря. Но Пашка часто при-

ходил к её стенам. Ему, заядлому авиамоделисту, казалось, что старые кедровые бревна в ветреные дни издают тонкий, едва уловимый гул, похожий на песню работающего реактивного двигателя. Он видел в часовне не религиозный символ, а памятник мастерству тех, кто срубил её без единого гвоздя, устремив купол в то же самое небо, о котором он мечтал.

В 1961 году в школу пришла новая директриса, Клавдия Ивановна — женщина с жёсткой партийной причёской и пучком собранных волос на затылке. Райком поставил задачу: усилить атеистическую пропаганду. Директриса решила начать радикально — снести часовню как «очаг религиозного дурмана и аварийный объект». На разборку брёвен мобилизовали старшеклассников.

На школьной линейке Клавдия Ивановна зачитала приказ. Все молчали, опустив головы. И тут Пашка Гордеев сделал шаг вперёд из строя.

— Мы не будем её ломать, Клавдия Ивановна, — спокойно сказал он. Голос его, уже ломающийся, басовитый, прозвучал в гробовой тишине школьного двора удивительно твёрдо.

— Что значит «не будем», Гордеев? — директриса прищурилась. — Это решение комсомольской ячейки и сельсовета! Ты против линии партии пошёл?

— Часовня никому не мешает, — так же спокойно ответил Пашка, глядя ей прямо в глаза. — Она красивая. Её наши деды строили. Это наша история, а не дурман.

Линейка зашумела. Директриса вспыхнула:

— Индивидуалист! Религиозный фанатик! Завтра же лично пойдёшь в первой бригаде с топором, иначе из комсомола вылетишь!

Но Пашка не пошёл. Более того, ночью он вместе с Колькой и ещё десятком деревенских парней, которые пошли за ним без лишних вопросов, закрыл двери часовни на тяжёлый амбарный замок, а ключи выбросил в бурлящее быстрое течение воды Чарыша. Утром, когда к объекту подошёл колхозный трактор «Нати», присланный для сноса, Пашка просто встал на крыльце часовни, скрестив руки на груди. За его спиной глухой стеной стояли все Малиновские пацаны.

Тракторист, дядька Степан, заглушил мотор, высунулся из кабины и сплюнул в пыль:

— Слышь, Клавдия, я против Пашки и ребят не пойду. Ломать — дело нехитрое, а пацаны дело говорят. Не я эту красоту ставил, не мне и рушить.

Часовню, конечно, через неделю всё равно снесли — пригнали бульдозер из районного ДРСУ и чужих рабочих. Но Пашке этого бунта не забыли.

На выпускном вечере летом 1961 года директриса лично вручила шестнадцатилетнему Гордееву аттестат и характеристику для военкомата. На серой, шершавой бумаге фиолетовыми чернилами было выведено: *«Политически незрел.*

Склонен к индивидуализму и защите религиозных предрассудков. Авторитет среди коллектива использует для организации несогласованных, вредных мероприятий. Руководящая роль комсомола им игнорируется» .

Это был «волчий билет». Путь в престижное лётное училище, где анкету проверяли до седьмого колена, был наглухо закрыт. Районный военком в райцентре, пряча глаза от честного взгляда парня, вернул ему документы: *«Маловат ты ещё, Гордеев. Шестнадцать лет всего. С такой характеристикой тебя ни одна комиссия в Качу не пропустит. Иди-ка ты, брат, на завод. Спесь сбей, рабочую косточку нагуляй, характеристику исправь. А там посмотрим...»*

Пашка вышел из военкомата на раскалённую пыльную улицу. В кармане лежали документы, в груди горела обида, но в глазах не было слёз. Его не сломали.

Он вернулся в Малиновку, поднялся на свой любимый сеновал и бережно взял в руки модель планера, на крыле которой лаком было выведено: *«СССР»*.

— Ну и ладно, — тихо сказал он, глядя в высокое алтайское небо. — Не хотите пускать через дверь — зайду через окно. Поеду в Большой город, на авиазавод. Буду настоящие самолёты строить. Если не дают летать — буду их клепать. А Небо от меня всё равно никуда не уйдёт. Оно подождет.

3. Горьковский реактивный метал.

Пашка не был бы собой, если бы опустил руки. Возвращаться в деревню и слушать упрёки директрисы он не соби-

рался. Собрав в фанерный чемоданчик сменное бельё, пару рубах и любимого Жюля Верна, он на перекладных добрался до Барнаула, сел на вечерний поезд и уехал в Большой город.

Город Горький встретил Пашку Гордеева оглушительным грохотом трамваев, запахом каменноугольного дыма и бесконечными людскими потоками. После тихой, затерянной в предгорьях Алтая Малиновки Горьковский авиационный завод № 21 имени Серго Орджоникидзе казался целой вселенной. Это был огромный, обнесённый глухим бетонным забором с колючей проволокой город в городе. На проходных строго дежурил ВОХР в шинелях с малиновыми петлицами, сурово проверяя пропуска у тысяч рабочих, штурмовавших заводские ворота в утренней темноте.

После нескольких недель в душных классах ремесленного училища, где им вколачивали в головы теорию и заставляли до одури пилить напильником безликие стальные бруски, Пашку наконец перевели в сборочный цех.

В родной алтайской деревне Пашка относился к технике как к чему-то священному. Когда на колхозное поле выезжал новенький гусеничный трактор ДТ-54, Пашка подходил к нему с благоговением, затаив дыхание. Ему казалось, что у этого пахнущего соляркой и горячим железом исполина есть душа. Он мог часами разглядывать масляные потёки на двигателе, крутить гайки и слушать, как тяжело и ровно дышит мотор. Трактор был чудом.

Но то, что открылось Пашке, когда он переступил порог

одиннадцатого сборочного цеха, заставило его сердце пропустить удар.

Цех был исполинским, похожим на вокзал для титанов. Сквозь огромные застеклённые проёмы в крыше падали косые лучи солнца, в которых плясала серебристая металлическая пыль. И посреди этого гулкого, пахнущего керосином, авиационным лаком и свежей краской пространства стояли *они*. Реактивные истребители.

Пашка замер, не в силах сделать ни шагу. На стапелях покоились стремительные, хищные машины с резко заваленными назад крыльями. Это были не просто самолёты. Это были сгустки чистой скорости и ярости, застывшие в металле. У Пашки пересохло в горле. В деревне он видел их только мельком — крошечными серебряными крестиками, беззвучно прочерчивающими алтайскую синеву высоко над сеновалом. А здесь… Вот она, обшивка из дюралюминия, гладкая, прохладная, склёпанная с идеальной, пулемётной точностью клёпальных пневмо молотков. Пашка робко протянул руку и коснулся крыла. Пальцы покалывало, словно он дотронулся до оголённого провода. Машина казалась живой, она словно тихо вибрировала под его ладонью, готовая в любой миг сорваться с места и пробить крышу цеха.

Пашку, шестнадцатилетнего деревенского парня, определили в агрегатно-сборочный цех учеником слесаря-клёпальщика. Жизнь рабочего в конце 1961 года была суровой, лишённой какого-либо глянца, но пронзительно честной. Го-

род ещё донашивал послевоенную бедность, смешанную с хрущёвской верой в скорый коммунизм в недалёком 1980 году.

Поселили Пашку в заводском бараке на окраине Соцгорода. Комната на восемь коек, железные сетки, прогибавшиеся до пола, вечно сушащиеся у печки замасленные ватники и общая кухня с длинным рядом керогазов, на которых чадили алюминиевые кастрюли. Питались скромно: серая буханка или ржаного по двенадцать копеек, липкая ячневая каша, синие тощие куры, за которыми в магазинах выстраивались многочасовые, угрюмые очереди, да солёная килька. Но никто не роптал — все жили одинаково трудно, и в этой рабочей общности была своя, особая дворовая теплота.

Настоящая жизнь для Пашки началась, когда мастер участка, старый фронтовик Петрович, впервые завёл его в святая святых — сборочный цех.

Когда Пашка переступил порог колоссального пролёта, у него перехватило дыхание. Под высокими фермами перекрытий, в сизом мареве от сотен, работающих пневмомолотков и сварочных аппаратов, слепило глаза от блеска чистого, некрашеного дюраля. Вдоль длинных стапелей, похожие на скелеты доисторических ящеров, стояли ОНИ.

МиГ-21Ф-13. Новейшие, сверхзвуковые, секретные истребители. Пашка замер, охваченный настоящим, религиозным благоговением. Это было не то чувство, что у заброшенной Малиновской часовни, но что-то очень близкое.

Перед ним стояла вершина человеческого гения. Стреловидное треугольное крыло, острое, как бритва, хищный круглый зев носового воздухозаборника с конусом посередине, стремительный, идеальный фюзеляж, созданный для того, чтобы резать стратосферу на двойной скорости звука. Машина казалась живой, замершей на старте, источающей скрытую, колоссальную мощь. Пашка инстинктивно протянул руку и коснулся прохладного, гладкого металла обшивки. Его пальцы, привыкшие к бальзе и пергаменту, задрожали. Он всем своим существом ощутил: этот истребитель — совершенство аэродинамики. И теперь он, Пашка, будет причастен к его рождению.

— Ну что, алтаец, рот разинул? — негромко пробасил над ухом Петрович, попыхивая пахучей «Примой». — Это тебе не трактор в колхозе. Тут точность — сотые доли миллиметра. Ошибёшься на заклепке — на сверхзвуке обшивку сорвёт, лётчик погибнет. Понял?

— Понял, дядь Петя, — тихо, но твёрдо ответил Пашка, не отводя глаз от серебристого крыла.

Пашка взялся за работу с яростным, алтайским упорством. Благодаря навыкам авиамоделиста, идеальному глазомеру и врождённому умению читать сложнейшие синьки-чертежи, он схватывал всё на лету. Его руки быстро запомнили тяжесть пневматического молотка. Пока другие ученики портили дюралевые листы и гнули заклепки, у Пашки они ложились ровно, одна к одной, будто выдавленные

прессом. Он чувствовал металл так же, как раньше чувствовал дерево на сеновале.

Через полгода Пашка совершил невозможное — сдал экзамен сразу на высокий 5-й разряд слесаря-клёпальщика. Ему положили взрослую, солидную зарплату в 100 рублей — бешеные деньги для шестнадцатилетнего парня, на которые можно было купить новые сапоги, отложить на костюм и отправить перевод матери на Алтай. Среди суровых, прокопчённых заводским дымом рабочих и клёпальщиков Гордеев заработал непререкаемый авторитет. Его снова, без всякого желания с его стороны, начали уважать как лидера и мастера, способного выдать любую норму. В конце месяца Пашка, решив отблагодарить бригаду, решил выложиться на полную. Он оставался после смены, работал без перекуров и в итоге закрыл наряд на невероятные, рекордные 300% выработки. Молодой парень сиял от гордости, предвкушая огромную премию и похвалу на заводской доске почета.

Вечером, когда цех опустел, Петрович подозвал Пашку к своему столу. Старый мастер сидел под тусклой лампой, хмуро разглядывая Пашкин триумфальный табель.

— Садись, Гордеев, — Петрович указал на колченогую табуретку. — Слушай меня внимательно. Сейчас я преподам тебе главный урок советской экономики, которого тебе ни в одной школе не расскажут.

Мастер шлёпнул ладонью по наряду:

— Ты думаешь, ты стахановец? Думаешь, подвиг совершил, закрыв триста процентов? А ты подумал, дурья твоя башка, что ты сейчас всю бригаду подставил?

Пашка растерянно моргнул:

— Как подставил, дядь Петя? Я же работал... Самолёты Родине быстрее сдали...

— Эх, молодо-зелено, — вздохнул Петрович, смягчаясь и глядя на парня с отеческой заботой. — Запомни, Паша: у нас экономика плановая, нормированная сверху. Начальство в министерстве сидит и на наши наряды смотрит. Завтра директор завода увидит твои триста процентов и скажет нормировщикам: "Ого, оказывается, работяги у нас в цеху прохлаждаются, раз пацан шестнадцатилетний норму в три раза перевыполняет! Значит, нормы у нас занижены". И знаешь, что они сделают? Они со следующего месяца урежут расценки в три раза за заклёпку всему цеху. Поднимут норму выработки для всех мужиков.

Петрович перешёл на полушёпот, косясь на закрытую дверь конторки:

— И будут наши мужики, у которых дома дети голодные сидят, хреначить в два раза сильнее, а получать те же самые сто рублей, а то и меньше. Ты один месяц повышенную зарплату получишь, а весь цех без порток оставишь. В советском производстве, Паша, высовываться сверх меры нельзя.

Работать надо честно, стабильно, выдавать свои сто десять процентов — и ни каплей больше. Коллектив — он как крыло самолета: все заклёпки должны нести одинаковую нагрузку. Одна выскочит вперёд — всё крыло поведёт. Понял экономику?

Пашка сидел бледный. В его честной деревенской голове эта изнанка плановой системы укладывалась с трудом, но авторитет Петровича был непререкаем. Он понял глубокую правду старого мастера. Система, создававшая великолепные крылатые машины, внутри была скована жёсткими, часто абсурдными правилами, ломавшими живую человеческую инициативу.

— Понял, Петрович, — тихо сказал Пашка. — Что теперь делать?

— Наряд я твой перепишу, раскидаю твои проценты на отстающих ребят, чтоб у всех ровно было, — Петрович порвал табель и подмигнул Пашке. — А ты иди отдыхай, мастер. Завтра новые фюзеляжи придут. Нам еще полк МиГов для Родины клепать.

Вечерняя смена на Авиазаводе № 21 закончилась в восемь. Огромный сборочный цех, еще полчаса назад оглушавший яростным громом сотен пневмомолотков, шипением сварки и матерком мастеров, стремительно опустел. Рабочие торопливо потянулись к проходным, спеша на вечерний трамвай до Соцгорода. Погасли мощные прожекторы под потолочными фермами, уступив место тусклому, дежурному

освещению. В сизом, остывающем воздухе пролета пахло керосином, машинным маслом и жженым металлом.

Пашка Гордеев не ушел. Спрятавшись в тени за штабелем крыльевых нервюр, он дождался, пока шаги Петровича затихнут в коридоре конторки. Сердце шестнадцатилетнего парня бешено колотилось, отдаваясь в ушах глухими ударами. Он знал, что совершает должностное преступление. Закрытый военный завод, строжайший режим, ВОХР на каждом углу — если поймают, «волчий билет» из Малиновки покажется детской забавой, здесь можно было запросто загреметь под суд.

Но неведомая, непреодолимая сила, шедшая откуда-то из глубины его существа, влекла его вперед.

Когда цех окончательно погрузился в звенящую, гулкую тишину, Пашка бесшумно, как тень, скользнул к стапелю № 4. Там стоял почти готовый, еще не покрашенный МиГ-21Ф-13, на котором его бригада сегодня заканчивала клёпку хвостового оперения. В полумраке цеха матовый авиационный дюраль отливал благородным серебром, словно лунный камень. Истребитель казался не грудой металла, а замершим, затаившим дыхание хищным зверем, готовым сорваться в небо прямо сквозь стеклянную крышу цеха.

Пашка подошёл к стремянке. Ступенька, еще одна. Откинутый в сторону прозрачный фонарь кабины маняще поблескивал в дежурном свете. Парень занёс ногу над бортом и плавно, стараясь не издать ни единого звука, соскользнул

в чашу пилотского кресла.

В ту же секунду мир вокруг него перестал существовать.

Кабина встретила его суровым, чисто авиационным запахом кожи, краски, резины кислородной маски и тонким ароматом высотного лака. Пространство было невероятно плотным, эргономичным, обжимающим тело, словно литой скафандр. Пашка положил руки на ручку управления самолетом (РУС), а левую ладонь опустил на сектор газа. Его пальцы, покрытые трудовыми мозолями и ссадинами от заклёпок, мгновенно и намертво слились с холодным, рельефным пластиком рукояток. Ноги парня легли на педали управления рулём направления.

И в этот миг Пашку накрыла ослепительная, оглушительная волна невиданного доселе чувства. Это было не просто мальчишеское восхищение — это было абсолютное, мистическое единение с машиной.

Его сознание словно совершило квантовый скачок, мгновенно пробив границы собственного тела. Пашке показалось, что прохладный дюраль обшивки истребителя стал его собственной кожей. Тяги управления, уходящие от РУСа к элеронам и рулю высоты, превратились в его собственные нервные окончания. Он физически, до дрожи в позвоночнике почувствовал, как внутри этого тридцатиметрового стального тела, в полной темноте фюзеляжа, сплетаются сотни метров топливных магистралей, гидравлических шлангов и электрических жгутов, которые он сам еще утром по-

могал укладывать. Он почувствовал колоссальную, дремлющую мощь турбореактивного двигателя за своей спиной. Самолёт больше не был чужим, мёртвым куском металла. Он был продолжением его самого. Он был живым.

Пашка закрыл глаза. Перед его внутренним взором, лишённым темноты, развернулась невероятная картина. Он не сидел в душном горьковском цеху. Он летел. Он кожей чувствовал, как этот серебристый МиГ, повинуясь малейшему движению его мысли, режет крылом плотные, ледяные слои стратосферы на двойной скорости звука. Он ощутил, как круглая Земля там, внизу, медленно выгибается голубоватой дугой, а над головой распахивается иссиня-чёрная, бездонная бездна космоса, зовущая его по имени. Небо смотрело на него сквозь остекление фонаря — мыслящее, живое, любящее и ждущее именно его.

Его сердце колотилось в один ритм с воображаемым гулом турбины. Восторг, чистый, незамутнённый, бьющий через край, затопил его душу. Из глаз шестнадцатилетнего парня, выдержавшего бунт в Малиновке и суровые будни рабочего барака, покатились беззвучные, горячие слёзы. Это были слёзы абсолютного счастья и знания своей судьбы. Он точно, непоколебимо понял: никакие «волчьи билеты», никакие запреты директоров и военкомов не удержат его на земле. Он рождён для этого Неба. Он станет лётчиком от Бога.

Вдруг внизу, у входа в пролёт, гулко хлопнула тяжёлая

дверь, и по бетонному полу разнёсся отчётливый, хромающий стук тяжёлых сапог. ВОХР шёл на обход.

Пашка мгновенно открыл глаза. Иллюзия полёта растаяла, вернув его в реальность дежурного освещения цеха. Парень бесшумно перемахнул через борт кабины, скользнул вниз по стремянке и растворился в темноте между стапелями, унося в своём сердце великую тайну и нерушимый пакт, который он только что заключил с этой серебристой машиной.

Пашка замер за станиной стапеля, вжавшись в холодный металл и почти не дыша. Шаги приближались. Тяжёлый, отчётливый стук правого сапога сменялся характерным, шуршащим припаданием на левую ногу. Хромающий охранник шёл не торопясь, высвечивая лучом мощного фонаря тёмные углы между фюзеляжами.

Луч скользнул по серебристому борту МиГа, мазнул по стремянке и на мгновение замер прямо над головой притаившегося Пашки. Парень зажмурился, готовый к неминуемому: *«Руки вверх! Пропуск! Кто такой?»*

Но вместо окрика фонарь погас. Цех снова погрузился в полумрак, а над стапелем раздался спокойный, хрипловатый голос с сильной прокуренной хрипотцой:

— Вылезай, летун. Чего в железе прячешься? Я твою тень ещё от самых ворот приметил.

Пашка медленно поднялся, понимая, что бежать глупо. Перед ним стоял невысокий, коренастый мужчина в расстёг-

нутой караульной шинели ВОХР с малиновыми петлицами. Из-под форменной фуражки выбивались седые волосы, а на груди, тускло поблёскивали орденские планки, среди которых Пашка сразу узнал два ордена Красного Знамени и орден Отечественной войны. Лицо мужчины было изрезано глубокими морщинами, но глаза — пронзительно-синие, молодые и невероятно зоркие — смотрели без злобы. С лёгким прищуром.

— Ну? И что мы тут забыли после смены, комсомолец? — мужчина опёрся на толстую деревянную трость. — Закрытый цех, режимный объект. Знаешь, что за это бывает?

— Знаю, — тихо, но не пряча взгляда, ответил Пашка. — Под суд.

— Под суд — это в лучшем случае, — буркнул вохровец, внимательно разглядывая Пашкины руки в заусенцах и мазуте. — Клёпальщик с четвёртого стапеля? Гордеев, кажется? Петрович мне про тебя уши прожужжал — мол, пацан из Алтая самолёты не собирает, а чувствует.

Мужчина подошёл ближе, тяжело припадая на левую ногу, взглянул вверх — туда, где над стапелем высился открытый фонарь кабины МиГ-21. Он молчал с минуту, словно прислушиваясь к чему-то своему, а потом вдруг глухо спросил:

— Ну и как он тебе изнутри? Пахнет Небом?

Пашка опешил. В этом вопросе не было подвоха охранника. Так мог спросить только человек, который сам знал этот

запах.

— Пахнет, — сглотнув ком в горле, признался Пашка. — Такое чувство... будто машина живая, дяденька. Будто я — это она, а она — это мысль. И летит... На сверхзвуке, туда, где земля круглая.

Строгое лицо вохровца вдруг дрогнуло. Он медленно снял фуражку, открывая высокий, иссеченный старым осколочным шрамом лоб, и тяжело опустился на ящик из-под заклепок. На его губах появилась горькая, но удивительно тёплая улыбка.

— Живая, говоришь... — тихо повторил он, глядя куда-то сквозь Пашку. — Точно. Ишь ты, алтаец... а ведь я этот МиГ по одному звуку турбины на слух определяю, ещё на подлёте к заводскому аэродрому. У него шаг винта... тьфу ты, какой винт, у него сопло на форсаже поёт, как скрипка.

Мужчина протянул Пашке крепкую, мозолистую ладонь:

— Семён Никитич Горбунов. Старший контролер ВОХР. А в прошлом... эх, в прошлом — гвардии капитан, ведомый у самого Сергея Долгушина в тридцать втором полку. Слыхал про такого?

У Пашки округлились глаза:

— Долгушин?! Ас? Герой Советского Союза? Который на Як-9 воевал?

— На Як-9, на Ла-5... На всём летали, сынок, что Роди-

на давала, — Семён Никитич бережно похлопал ладонью по своей покалеченной ноге. — Под Курском меня срезали в сорок третьем. Фоккер из облаков вывалился, прошил плоскость и кабину. Долгушин его снял потом, отомстил за меня... а я вот, видишь, до земли дотянул, из горящей машины вывалился, да ногу в колене вдребезги. Списали. Думал, с ума сойду без неба. Сюда вот, на завод прибился, чтоб хоть краем уха гул моторов слышать...

Семён Никитич поднялся, опёрся на трость и строго посмотрел на Пашку, но в синих глазах горело понимание:

— Ладно, Гордеев. Пропуск твой я проверять не буду. И рапорт писать не стану. Вижу, что ты не шпион и не несун. Ты Небом болен, паря. Это на всю жизнь, это не лечится. Приходи-ка ты завтра после смены ко мне в каптерку на вторую проходную. Чайку попьём с сухарями. Я тебе расскажу, как мы с Долгушиным тактику воздушного боя «этажеркой» выстраивали. А ты мне про своё «чутьё» расскажешь. По рукам?

— По рукам, Семён Никитич! — Пашка сжал крепкую руку фронтовика, чувствуя, как внутри него рождается что-то огромное и надёжное.

В этот вечер в холодном, сером горьковском цеху Пашка Гордеев обрёл не просто друга. Он обрёл наставника, учителя и второго отца, который вскоре поможет ему пробить глухую стену советской бюрократии и сделает первый шаг

навстречу его космическому предназначению.

Каптерка ВОХРа на второй проходной была крошечным островком тепла и покоя посреди огромного, грохочущего завода. Здесь густо пахло махоркой, овчинными тулупами, оружейным маслом и крепко заваренным грузинским чаем. На плитке шумно исходил паром старый алюминиевый чайник, а за окном, в сырой горьковской темноте, тускло горели фонари над бетонированной полосой заводского аэродрома.

Семён Никитич, сбросив тяжёлую караульную шинель, остался в старой, выцветшей гимнастерке без погон, но со следами от снятых орденов. По-хозяйски бросив на стол пачку «Примы» и колотый сахар-рафинад, он достал из ящика верстака две жестяные кружки.

— Ну, присаживайся, алтаец, — Семён Никитич кивнул на тяжёлый деревянный табурет. — Чай у меня рабочий, купеческий, ложка стоит. Сахар бери, не стесняйся.

Пашка аккуратно присел на край, разглядывая стены. В углу висела кобура от ТТ, а на полке среди инструкций по караульной службе стояли... модели. Маленькие, грубо вырезанные из липы и покрашенные серой краской самолётики. Пашкин взгляд авиамоделиста мгновенно опознал их: характерный угловатый нос Як-9 и лобастый фюзеляж Ла-5.

Семён Никитич перехватил его взгляд, усмехнулся и достал деревянные самолётики с полки. Его лицо вмиг посерьезнело, морщины у глаз разгладились, а синие глаза загорелись тем самым молодым, фронтовым азартом. Он поло-

жил модели на клеенчатый стол.

— Вот смотри, Пашка, — Семён Никитич взял в правую руку модель Яка, а в левую — воображаемый немецкий «Мессер». — Ты в своей школе небось думал, что воздушный бой — это как в кино? Закрутили карусель, постреляли и разлетелись? Черта с два. Бой — это чистая математика, помноженная на секунды и чутьё.

Он резко поднял руку с «Мессером» вверх, над кружкой с чаем.

— Немцы в сорок первом как нас били? Высотой! У них тактика была жёсткая: «высота — скорость — удар — уход». Они сверху валились, как коршуны. Наш брат-истребитель начинает в вираж вставать, крутится на горизонтали, а толку? Немец сверху ударил, одного сбил и ушёл обратно наверх, на солнце. В горизонтальный бой они с нами редко ввязывались — знали, что наши Яки на виражах маневреннее.

Семён Никитич поставил вторую модель Яка чуть ниже первой, параллельно.

— И тогда наш командир, Серёга Долгушин, сообразил. Хватит, говорит, в одной плоскости летать. Стали ходить парами, но на разных высотах. Называется — «этажерка». Я иду внизу, ведущим или ведомым, пониже, как приманка. Провоцирую фашиста на атаку. Немец видит легкую добычу, жадность его фраерская губит, он валится на меня в пике... — Семён Никитич резко бросил модель «Мессера» вниз, к нижнему Яку. — А в это время сверху, на полкилометра вы-

ше, в облаках или со стороны солнца, идёт вторая пара. Долгушин!

Верхний деревянный Як в руке фронтовика резко пошёл по косой траектории вниз, заходя в хвост пикирующему «Мессеру».

— Немец ещё гашетку нажать не успел, думает, что поймал меня, а Серёга уже у него на шести часах. Короткая очередь из ШВАКа — и «худой» факелом к земле идёт! Понимаешь логику? Мы заставили их играть по нашим правилам. Перевели бой из плоскости в вертикаль, в объём!

Пашка сидел, подавшись вперед, забыв про остывающий чай. Его жадный, технический разум впитывал каждое слово. Он не просто смотрел на деревянные игрушки — в его сознании эти серые щепки превращались в ревущие потоки воздуха, в перегрузки, давящие на плечи пилота, в траектории, которые чертились в небе невидимым мелом.

— Понимаю, Семён Никитич... — тихо, с придыханием сказал Пашка. — Это как в геометрии. Вы не самолет ловили, вы ловили точку, где он окажется через две секунды.

Горбунов замер с моделями в руках. Он медленно опустил их на стол, внимательно, с глубоким удивлением посмотрел на шестнадцатилетнего клёпальщика.

— Ишь ты... Точку он ловил, — проворчал старый ас, и в его голосе проступило огромное уважение. — Верно мыслишь, алтаец. Точку опережения. Но чтобы её поймать, мало прицелом крутить. Надо спиной чувствовать, как твоя ма-

шина воздух режет. Чувствовать, когда крыло на крыло опирается, а когда в срыв идет. Самолёт — он ведь как птица: если ты его на предел вывел, он дрожать начинает. Особенная такая вибрация, мелкая, по ручке управления идёт. Струсит летчик, ручку отдаст — упустил врага. Перетянет — сам в штопор свалится. Тут грань нужна. Волосок!

Пашка улыбнулся — открыто, с тем самым тихим авторитетом, который в нём так удивлял рабочих в цеху.

— Я знаю эту вибрацию, Семён Никитич. Когда планер на соревновании запускаешь, по леске чувствуешь: поймало крыло поток или пусто там. Воздух — он ведь плотный, как вода, только прозрачный.

Семён Никитич долго молчал, разглядывая Пашку сквозь сизый дым «Примы». Потом плеснул в кружки горячего чаю и твёрдо сказал:

— Запомни мой сказ, Пашка. Завод — это хорошо. Рабочая косточка — дело честное. Но твоё место — там, — он ткнул пальцем в потолок каптёрки. — У тебя порода лётная, чистая. Мы с Петровичем твою характеристику исправим, расшибёмся в лепёшку, но в училище тебя протолкнём. Небо таких, как ты, долго не отпускает. Оно тебя ждёт.

В этот первый вечер в крошечной каптерке ВОХРа, под гул далёких авиационных заводов, окончательно скрепился союз двух поколений. Раненый ас передавал свою недолётанную судьбу парню, который ещё не знал, что через несколько лет прорвёт эту самую вертикаль боя и уйдет туда, где про-

странства и времени больше не существует.

Осень 1961 года. Горьковский авиазавод № 21. В тот день сборочный цех гудел, как потревоженный улей. Заводу спускали жёсткий квартальный план, и сборка новейших МиГ-21Ф-13 шла круглосуточными темпами. Пашка Гордеев, уже работавший на правах полноправного мастера-клёпальщика, заканчивал стыковку левой консоли крыла на стапеле № 4. Воздух был пропитан нервным напряжением, грохотом пневматики и мазутным потом.

ЧП случилось в самом конце дневной смены.

Многотонный фюзеляж новенького истребителя, ещё не крашенный, сияющий чистым дюралем, переводили с промежуточного узла сборки на основной монтажный стенд. Мостовой кран медленно тащил тридцатитонную серебристую тушу на массивных стропах. Пашка стоял внизу, координируя процесс. Вдруг сверху раздался жуткий, сухой треск. Один из стальных такелажных тросов, не выдержав натяжения, с пушечным выстрелом лопнул.

Фюзеляж самолета резко перекосило. Стропы заскользили, и огромная серебристая машина, срываясь с левого крепления, начала медленно и неотвратимо заваливаться набок, прямо на металлические конструкции сборочного стенда. Если бы МиГ упал, деформация лонжеронов и обшивки навсегда превратила бы секретный истребитель в груду металлолома, а завод сорвал бы оборонный заказ.

— Ложись! Назад! — истошно закричал крановщик свер-

ху.

Рабочие с криками бросились врассыпную. Но Пашка не побежал. Его феноменальное, мистическое чутье машины сработало быстрее человеческого страха. Он видел этот самолет изнутри, он знал каждую его нервюру и заклепку, он чувствовал его как собственное тело. Дать этой прекрасной птице разбиться о бетон было выше его сил.

Пашка рванулся вперед, прямо под падающую махину фюзеляжа. Схватив тяжёлый металлический упор-уловитель, он яростным, нечеловеческим усилием рванул его на себя, подставляя под заваливающийся борт истребителя. В эту секунду МиГ-21 навалился на упор всей своей массой.

Конструкция выдержала, самолёт замер на весу, спасённый от падения. Но страшный, сокрушительный удар наотмашь пришёлся Пашке прямо в левое плечо. В цеху раздался отчётливый, жуткий хруст ломающейся кости. От ослепительной, дикой боли у парня потемнело в глазах, и он без сил рухнул на бетонный пол, теряя сознание под крики бежавших к нему Петровича и Семёна Никитича.

4. Ася

1961 год. Первая встреча. Медпункт авиазавода. Дверь медпункта распахнулась с грохотом, выбив облако мазутной гари и резкого запаха нашатыря. Двое рослых слесарей почти заволокли Пашку внутрь. Левое плечо парня висело неестественно низко, рукав рабочей куртки был изодран в клочья, сквозь которые проступала багровая, быстро пух-

нущая кожа. Лицо Пашки серое от боли, на лбу проступил крупный холодный пот, но зубы были сжаты так, что желваки ходили ходуном.

— Принимай, медицина! — крикнул один из рабочих, помогая Пашке сесть на кушетку, обтянутую холодным дерматином. — Гордеев у нас герой, пятитонный стапель плечом удержал, пока Кольку вытаскивали. Чуть парня не раздавило!

Ася обернулась от стеклянного шкафчика с медикаментами. Белая накрахмаленная косынка сидела на её голове чуть набок, из-под нее выбился непослушный русый локон. Ей было всего шестнадцать, первая неделя практики после медучилища. До этого момента её «пациентами» были плюшевые мишки и сокурсницы, сдававшие зачёты по повязкам. При виде окровавленного, ободранного Пашки у нее перехватило дыхание, а сердце испуганно ёкнуло где-то в горле.

Но она сделала шаг вперед. Шагнула из своего привычного, девичьего мира прямо в это суровое, пропахшее керосином пространство.

— Тихо, тихо… Не шумите, — её голос сначала дрогнул, но тут же обрёл неожиданную строгость. — Оставьте его. Я сама.

Рабочие послушно вышли, прикрыв дверь. В медпункте повисла странная, звенящая тишина, сквозь которую глухо пробивался лишь далекий гул сборочного цеха.

Пашка очнулся от резкого запаха нашатыря и спирта. Гро-

хот цеха остался где-то далеко, здесь царила тишина. Парень лежал на кушетке в заводском медпункте. Левая сторона тела казалась залитой расплавленным свинцом, плечо было туго замотано бинтами и зафиксировано шиной.

Он повернул голову и замер.

Рядом с кушеткой, склонившись над медицинским столиком, стояла девушка. На ней был белоснежный, отглаженный халат и марлевая косынка, из-под которой выбивались непослушные русые локоны. Тонкая, хрупкая, с чистым девичьим лицом и огромными, полными искренней тревоги и сострадания серыми глазами. Это была Ася, практикантка из Горьковского медицинского училища.

Заметив, что раненый открыл глаза, она облегчённо вздохнула и подошла ближе. Её прикосновение к его правому запястью было удивительно нежным, прохладным и невесомым.

— Ну слава богу, очнулся, — тихо, певуче сказала она, и её голос показался Пашке самой прекрасной музыкой после цехового рева. — Ну и напугал же ты весь завод, Гордеев. Зачем под самолет полез? Сумасшедший... Там ведь кость ключицы в щепки, сустав выбит. Как ты только боль такую вытерпел?

Пашка смотрел на неё и впервые в жизни не знал, что сказать. Его жёсткий, спартанский характер лидера коллектива вдруг дал сбой перед этой чистой, земной нежностью. Он смотрел в её серые глаза и чувствовал, как выжженная суро-

выми буднями рабочая душа начинает оттаивать.

— Самолёт... целый? — хрипло выдохнул он пересохшими губами.

Ася укоризненно покачала головой, но на её губах появилась тёплая, восхищённая улыбка:

— Целый твой самолёт, герой. Петрович прибегал, матерился от радости, сказал, что ты машину спас. Скоро скорая приедет, в госпиталь тебя повезут. А пока лежи тихо. Я с тобой побуду... Я буду тебя ждать, Паша. Из госпиталя, с завода... отовсюду. Ты только живи.

Пашка закрыл глаза, чувствуя, как боль в плече отступает перед лицом этого нового, ослепительного чувства. В этот осенний день 1961 года в стенах заводского медпункта родилась его первая, единственная и чистая земная любовь, которая пронесётся сквозь года, трагедии и саму стратосферу.

Ася подошла ближе. Она опустилась на колени перед кушеткой, чтобы оказаться вровень с его лицом. Её пальцы — тонкие, прохладные, пахнущие мылом «Земляничное» и немного хвоей — осторожно коснулись его здорового предплечья, а затем потянулись к запястью померить его пульс.

Пашка замер. Мир, только что состоявший из невыносимой, пульсирующей боли, грохота пневмомолотков и привкуса железной окалины во рту, вдруг начал стремительно сжиматься. Логика заклёпок, чертежей и рычагов, в которой он жил до сих пор, дала сбой. Он смотрел на эту тоненькую

девушку в белом халате, и его внутренний компас сошёл с ума.

— Больно? — тихо спросила она, заглядывая ему прямо в глаза.

Её глаза были огромными, тёплыми, цвета майской травы после дождя. В них не было взрослого равнодушия, только чистый, испуганный сострадательный свет.

— Нет, — соврал Пашка, и его голос прозвучал на октаву ниже обычного. — Нормально. Бывало хуже.

— Врёшь ты всё, Гордеев, — Ася едва заметно улыбнулась, и от этой улыбки у Пашки потеплело в груди, а боль отступила, словно её отодвинули невидимой заслонкой. — У тебя пульс как у испуганного стрижа. Сиди смирно, сейчас доктор придет, вправлять будем. А пока я промою...

Она взяла марлевый тампон, смочила его в антисептике и коснулась его разбитого плеча. Пашка дёрнулся, но не от боли, а от этой ошеломляющей, невиданной ранее нежности. Время вокруг них словно замедлило свой ход, превращаясь в густую, прозрачную смолу. Потолок медпункта растворился. Остались только её пальцы, её дыхание на его щеке и этот непослушный русый локон.

Они встретились взглядами, и в этот секундный миг Пашка впервые ощутил то, что позже, в стратосфере, назовет абсолютным покоем. Это было не просто знакомство — это было мгновенное слияние двух контуров в одну общую вселенную.

— Я Ася, — прошептала она, забыв, что нужно заполнять журнал дежурства.

— Пашка, — выдохнул он. И добавил, сам не зная зачем: — Я самолёты строю. МиГ-21. Они летать будут. Выше всех.

Ася посмотрела на него — трепетно, серьезно, без тени девичьего кокетства. Она поняла, что перед ней не просто упрямый мальчишка с завода, а кто-то очень важный. Тот, ради кого её детство только что закончилось на этом холодном дерматине заводского медпункта.

Павел - привык понимать машины. У него всё подчинено логике рычагов и

заклепок. Но когда к нему прикасаются её пальцы — тонкие, пахнущие мылом «Земляничное» и почему-то хвоей — его внутренний компас сходит с ума. Ему шестнадцать, он считает себя взрослым рабочим парнем, но перед ней чувствует себя неуклюжим подростком. Боль от вправляемого сустава вдруг отступает на второй план. Он смотрит на её медицинскую косынку, из-под которой выбился непослушный русый локон, и понимает: в его упорядоченную, чертежную жизнь ворвалось что-то, чему нет формул. Она не просто перевязывает его — она касается его души. Когда их глаза встречаются, Пашка впервые испытывает то самое ощущение, которое позже назовет «остановкой времени». Потолок медпункта словно растворяется.

Ася — первокурсница медучилища, на практике. Ей страшно до дрожи, вокруг суровые заводские мужики. И тут

привозят его — мальчишку, её ровесника, с серыми, как алтайское небо, глазами. Он бледный, стискивает зубы, чтобы не застонать, но в его взгляде нет слабости. В нем есть дикая, первобытная сила и.… упрямство. Когда она берет его за руку, чтобы проверить пульс, её собственное сердце начинает колотиться где-то в горле. Ей хочется защитить его, закрыть собой от этого грохочущего, опасного железа завода. Она видит, как он смотрит на неё — не так, как свистят вслед парни на улицах Горького, а трепетно, словно на икону. В этот миг Ася понимает, что её детство закончилось.

В госпитале. Рождение вселенной на двоих. Павла переводят в стационар для восстановления плеча. Ася бегает к нему каждую свободную минуту — после лекций, обманывая строгую дежурную сестру, пряча под белым халатом охапку полевых ромашек или яблоко.

Госпитальные дни Павла Гордеева тянулись томительно медленно, наполненные белизной стен, резким запахом хлорамина и глухим, ноющим чувством в левом плече, скованном гипсовым панцирем. Но для шестнадцатилетнего Пашки — это время стало не испытанием, а самым светлым и пронзительным периодом его юности. Каждого вечера он ждал с замиранием сердца, вслушиваясь в гул шагов в больничном коридоре. С каждым её визитом госпитальные стены словно раздвигались. Ася приносила с собой запах свежего воздуха, надежды и мирной жизни, которую они оба так отчаянно защищали. Они говорили обо всем. Павел, обычно

скупой на эмоции, вдруг поймал себя на том, что рассказывает ей о небе, о детских мечтах. Ася слушала, затаив дыхание, ловя каждое слово. Чувство крепло в мелочах. В том, как Ася задерживала взгляд на его плечах, когда он пытался садиться. В том, как сам Павел часами смотрел на дверь в ожидании её легких шагов. Санитарки в палате хмыкали и улыбались: *«Ну, Гордеев, твоя сестричка идёт, опять светишься как прожектор»*.

Она приходила сразу после учёбы в медучилище и вечерней практики. Дверь палаты тихо скрипела, и на пороге появлялась Ася. В своём простеньком пальтишке, с раскрасневшимися от горьковского осеннего ветра щеками, она приносила с собой запах свежести, опавшей листвы и чего-то бесконечно родного. Она садилась на край его железной койки, бережно выкладывая из сумки то пару антоновских яблок, то домашние сухари, запечённые её матерью.

Павел, бывший в цеху непререкаемым, суровым лидером, перед которым иногда робели даже взрослые мужики, теперь терялся. Его сбалансированный чёткий ум, привыкший к линиям чертежей и жёсткой логике металла, пасовал перед той тихой, обезоруживающей силой, что исходила от этой хрупкой девушки. Они разговаривали часами, и эти беседы были лишены всякой напускной фальши.

Пашка взахлёб рассказывал ей про бескрайнее алтайское небо, про горный Чарыш и про то, как по звуку мотора можно понять, что чувствует машина. Ася слушала его, подпе-

рев щеку ладонью, и в её серых, глубоких глазах отражался весь его заоблачный мир. Она не просто понимала его одержимость — она принимала её как часть его души. Она делилась с ним своими девичьими страхами, рассказывала о строгих преподавателях и о том, как до слёз жалеет тяжёлых пациентов в хирургическом отделении.

Это было пронзительное, почти молитвенное чувство родства душ посреди хаоса жизни. Ася же осознала: этот суровый, раненый парень — вся её жизнь, и ради его улыбки она готова вынести любые перипетии судьбы.

Зарождение их чувств было удивительно чистым, лишённым поспешности, свойственной юности. Это было медленное, глубокое прорастание друг в друга. Сначала пришла робкая полуулыбка, затем — случайное касание пальцев, от которого Пашку прошибало током сильнее, чем на заводской подстанции. В один из вечеров, когда за окном палаты медленно таял дневной свет, Ася тихо положила свою прохладную ладонь на его здоровую правую руку.

— Знаешь, Паша... — тихо сказала она, глядя на их переплетённые пальцы. — Мама говорит, что лётчики — они особенные. Они не принадлежат земле. И жить с ними — это значит вечно смотреть вверх и ждать. Но я.… я не боюсь ждать. Сколько бы ни потребовалось.

Госпитальная палата, залитая предвечерним солнцем. На тумбочке — Пашкин блокнот с набросками самолетов. Они сидят на краю больничной койки, так близко, что Павел слы-

шит её дыхание. Шестнадцать лет — это возраст, когда любовь выражается не в словах, а в невозможности наглядеться друг на друга.

Павел пытается шутить, рассказывать про Семёна Никитича, про тактику воздушного боя, но замолкает, когда Ася бережно берет его забинтованную руку. Для Павла эти прикосновения становятся важнее полетов. Его «чутье машины» трансформируется в «чутье Аси»: он знает, когда она идет по коридору, ещё за три пролета до палаты — по едва уловимому изменению воздуха.

Ася слушает его рассказы о небе с замиранием сердца. Она чувствует, что этот парень принадлежит не только ей, он принадлежит какой-то огромной высоте. И от этого ей одновременно сладко и жутко. В один из вечеров происходит их первый, почти невесомый поцелуй — со вкусом больничного компота и яблок. В этот момент для обоих земной мир перестает существовать. Время сминается. Обычная палата становится центром обитаемой Вселенной. Они клянутся друг другу — без громких слов, просто глядя глаза в глаза, — что это навсегда.

Ася держится из последних сил. Её пальцы мертвой хваткой вцепились в пуговицы его пиджака. Она не плачет навзрыд, только две тяжёлые слезы катятся по щекам. Она шепчет ему на ухо: *«Ты только летай, Пашка. Летай выше всех. А я буду держать твою землю. Я буду молиться за тебя»*. Она отдает ему маленький бумажный сверток — свою дет-

скую фотографию, на обороте которой корявым почерком написано: *«Моему Лётчику от Бога. Твоя Ася»*.

Последний вечер перед его отъездом в училище они провели на окраине заводского посёлка, устремив взгляды туда, где за Волгой догорали сумерки.

Воздух был пропитан предчувствием осени. Напряжение между ними достигло предела. Павел бережно взял Асю за узкие плечи, заглядывая в её огромные, блестящие от подступающих слёз глаза.

«Я вернусь, Ася. Обязательно вернусь», — хрипло пообещал он. Их поцелуй на прощание был солёным от её слез, но отчаянно горячим. В нём смешались клятва верности, страх потери и огромная, непреодолимая сила зародившейся любви.

Летом 1962 года Пашке наконец исполнилось семнадцать лет...

1962 год. Прощание на вокзале. Отъезд в училище. Горьковский вокзал бурлил, как потревоженный улей. Плыли тяжёлые облака паровозного дыма, пахло углем, мокрым асфальтом и дешёвым табаком. Проводники кричали, сверяя билеты, где-то надрывно плакала женщина, провожая солдата. В этой суете, толкотне и грохоте они стояли вдвоём у третьей платформы, возле темно-зелёного вагона поезда «Горький — Сталинград».

Пашка был в своей лучшей, отутюженной Семёном Никитичем рубашке. В правой руке он сжимал ручку небольшого фибрового чемоданчика, где лежали пара смен белья, тетради и чертежные принадлежности. Но левая его рука была занята — он крепко, до белизны в суставах, держал Асю за ладонь.

За эти полгода, прошедшие после медпункта и госпиталя, они проросли друг в друга так, что любая разлука казалась ампутацией. Теперь Пашке было семнадцать. Он ехал навстречу своей главной мечте — в Качинское высшее военное авиационное училище лётчиков. Но сейчас, стоя на перроне, он чувствовал себя разорванным надвое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.